

Глеб Иванович Успенский

Подгородный мужик

Непорванные связи

Глеб Успенский

Подгородный мужик

«Public Domain»

1880

Успенский Г. И.

Подгородный мужик / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1880 — (Непорванные связи)

«...Правда, таких крестьян, как те, о которых идет речь, многие, изучающие народную жизнь, значительно недолюбливают. Крестьяне эти – шоссежные жители, большею частью живут по сторонам старой московской дороги, имеют частые связи с Питером. Мало того: по территории, которой касаются мои заметки, проходят две железные дороги – Николаевская и узкоколейная, с которыми у крестьян постоянные сношения. Таких крестьян многие, как известно, совсем не считают даже крестьянами: «какие это крестьяне, помилуйте! Тут все перепорчено городом, тут кадрили, пиньжаки». В такого рода суждениях есть известная доля правды в том отношении, что здешние мужики не похожи на мужиков, живущих исключительно земледелием...»

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Подгородный мужик

1

В то далекое время попыток в подобном роде, как известно, было великое множество, и если, несмотря на всевозможные внешние различия в способах и приемах, цели они не достигали, то во всяком случае источник, из которого шли фантазии, был чист, а главное – вполне неизбежен, потому что, если Михайлы Михайловичи не могут так скоро порвать уз и пут прошлого, в котором они выросли, то тем более трудно это сделать мужику. Сколькоросло на нем, и вокруг него, и под ногами, и сверху, и снизу – словом, и в нем, и вне его – всякой дичи, паутины! Сколько валяется по пути его развития всякого гнилья, гнилья столетнего, обомшлого, которое путает, сбивает с толку и пути!

Крестьяне, с которыми имел дело Михаил Михайлович и с которыми нам в настоящее время приходится сталкиваться, могут, как нам кажется, служить хорошим образчиком всего, что пришлось пережить русскому крестьянину на своем тысячелетнем веку. Правда, *таких* крестьян, как те, о которых идет речь, многие, изучающие народную жизнь, значительно недолюбливают. Крестьяне эти – шоссежные жители, большею частию живут по сторонам старой московской дороги, имеют частые связи с Питером. Мало того: по территории, которой касаются мои заметки, проходят две железные дороги – Николаевская и узкоколейная, с которыми у крестьян постоянные сношения. Таких крестьян многие, как известно, совсем не считают даже крестьянами: «какие это крестьяне, помилуйте! Тут все перепорчено городом, тут кадрили, пиньжаки». В такого рода суждениях есть известная доля правды в том отношении, что здешние мужики не похожи на мужиков, живущих исключительно земледелием; но знакомиться с положением народа в данную минуту нигде нельзя более подробно, как здесь, потому что если где и есть такой мужик, который бы в самом деле олицетворял собою все двадцать шесть томов Соловьева, так это именно здесь.

Да и по части древности рода здешний крестьянин, как новгородец, перещеголяет своих одноплеменных собратьев. Он именно жил так, как обозначено в двадцати шести томах. Гнезился он в лядинах, на печищах, перешел поближе к питерской дороге, перелезает теперь к чугунке, видел и аракчеевщину, и холеру, и крепостное право; понатерся в той цивилизации, которая сама идет и едет на деревню, словом – «произошел». Чего еще нужно для всестороннего наблюдения и изучения? Да, наконец, не та ли же участь рано или поздно ждет самый дальний российский медвежий угол и то, что уже получилось в здешних местах? Рано или поздно пройдет каменная, а может быть, и железная дорога и в таких глухих углах, где недавно сожгли колдунью. И туда и во все российские места рано ли, поздно ли придут и кадрили, и «пиньжак», и вообще те же самые новизны, с теми же самыми последствиями. Не Питер, так какой-нибудь Тихвин будет рассадником той же самой цивилизации, какою наделяет наши места столица. Питер для здешних мест ведь только рынок, да и не Питер даже, а Сенная. Сенная же, хоть и маленькая, везде есть; а если нет, то будет везде, где дорога сделает новый рынок для сбыта всего, что идет на подати. Словом, тот же самый дух века, какой дошел из Питера до нас, дойдет и до самого отдаленного угла. Разве можно миновать это, хотя и надо? А следовательно, пренебрегать здешним мужиком, разгуливающим то в пиньжаке, то в тулупе, резонов нет никаких.

Итак, к чему ж, к каким результатам пришел этот новгородский вечевой человек, пройдя через заимки в лядинах, через бродяжничество и шатание по господам, через сохи и обжи,

через оброки и барщину, через подушное и поземельное, словом – исколесив вдоль и поперек все двадцать шесть томов и достигнув, наконец, кадрили, пинжака и петровской папироски?

В двадцати восьми дворах той деревни, которая перед нашими глазами, уже есть четыре крупных представителя «третьего сословия». Как крестьяне, они, без сомнения, получают в общественной земле точь-в-точь столько, сколько им соответствует по справедливости. Но вот как-то разжились, властвуют, скупают у обывателей краденый лес, а один из них имеет рысака и кабриолет – «почесь что барин». Но он – не барин, а крестьянин, временнообязанный¹, земля его в мирском владении, и, однакож, он властвует, а остальные воруют для него лес, иные прямо «бьются», – а земля, повторяем, переделена между всеми правильно. Несмотря на эту правильность, постоянно слышишь: «у него и скотине-то есть нечего!» – «А иному бедному и двугривенный слаще рубля серебром!» – очень часто говорит общинник.

¹ *Временно-обязанный* – так назывались крестьяне, освобожденные реформой 1861 года от крепостной зависимости, но обязанные впредь до заключения выкупной сделки выполнять свои повинности перед помещиком.

2

Недавно в этом отношении нам пришлось быть свидетелем такой сцены:

На мызу (описанную выше и теперь кое-как достроенную одним моим знакомым под дачу) является вечером, через топи лядин, из которых как раз только что благополучно *выступило* само знаменитое «днище», ковыляя на костыле, пожилой человек, отставной солдат. За ним плетется лет десяти худенький мальчик. Солдат и мальчик, окруженные лающими и мечущимися из стороны в сторону псами, приближаются к крыльцу рабочей избы, на котором в приятных разговорах проводили время крестьянин, наблюдавший за мызой (Демьян Ильич), случайный охотник из крестьян же, собирающийся в ночь на тетеревов, и пишущий эти заметки.

Солдат подошел, снял шапку, поздоровался. Несколько секунд помолчали – и солдат и мы. В этот краткий промежуток молчания мы заметили, что у солдата подмышкой курица, а у мальчика в руках какая-то кошелка.

– Яиц не надо ль? – сказал солдат.

Опять помолчали.

– Много ль? – спросил крестьянин, управитель мызы.

Помолчал немного и солдат и потом сказал:

– Десятка три, три с половиной... Сосчитаешь.

При помощи таких кратких вопросов и ответов, перемежавшихся краткими мгновениями молчания, яйца были куплены.

– Михайло! – сказал солдат мальчику, обернувшись назад, – снеси кошелку в избу – сосчитай.

Опять помолчали.

– Грязна дорога-то?

– И-и – не говори! Бездна бездну призывает...

– Выступило днище-то?

– Эва! – еще третьего дни нелегкая его выперла в полном параде... Наш мальчонка холопский (название деревни) так с ушми совсем чуфыкнул в пучину-то. Выперла, нелегкая ее бери!..

Помолчали.

– А курицу... не требуется вам, господа?

Курица все время вертела головой, плотно прижатая подмышкой, и как-то вытягивала грудь, очевидно желая выскочить. Когда речь коснулась ее, она закудаhtала...

– Нет, кур не надо.

Опять помолчали.

– А может, барин скушают?

Курица закудаhtала сильнее.

– Ей только дай покормиться с неделю, она – во как раздобреет... У нас она так болталась, смотреть некому – и то, глянь, бока-то всё же мало-мальски... Берите уж, господа! Сорок копеек... у меня старуха что-то недомогает... Деньжонок бы надо... Куда я ее потащу назад-то? Не возьмете – задаром отдам, а назад не понесу.

Взяли и курицу, а впоследствии и съели ее. Конечно, предварительно дали ей отгуляться на воле, отъесться. Солдат пустил курицу на землю и сказал:

– Ступай! Смотри, чтобы господину бульон хорош был. Не огорчи хозяина!

Курица не побежала, а пошла медленно, осторожно оглядывая новое место.

Опять помолчали. В это время воротился мальчик с пустой кошелкой и сказал:

– Тридцать семь.

– Ну, ладно, сочтемся. А вот что, Демьян Ильич, не возьмешь ли у меня мальчонку?

– Какого?

– А вот! – проговорил солдат, кивнув на мальчика. – Не подойдет ли он тебе в пастухи?

Демьян Ильич поглядел на мальчика и сказал:

– Мне твой мальчик дорог будет...

– Чем же? Полтора куля всего-то...

– Дорогонько...

(По здешним весенним ценам, это около восемнадцати рублей.)

– Дорого? – переспросил солдат и, подумав, сказал: – ну, а девчонка не подойдет ли? Есть у меня постарше этого мальчонки на год – ничего, девчонка проворная. Она не подойдет ли насчет скотины?..

– Куль! – сказал Демьян Ильич: – Так и быть. Ты знаешь, не из чего мне расходствовать.

– Это нам известно. Куль, говоришь? Что ж, я согласен, только уж дай записку сейчас к Завинтилову (из третьего сословия). Хлебом-то больно бьемся...

– Это можно, – сказал Демьян Ильич.

– Ну, а уж насчет мальчонки, видно, придется рядиться с Завинтиловым. Дает он мне полтора куля, да жидоват ведь человек-то... Ну да уж, видно, надо... Так уж дай записочку-то!

– Сейчас напишем, – сказал Демьян Ильич.

– Ну, ладно, спасибо. Помолчали.

– Девчонка – она ничего, бойкая! уж я худого тебе не пожелаю. Я знаю, каков ты есть человек...

– У меня с весны загон будет сделан, – сказал Демьян Ильич. – Скотина всегда в одном месте, только бы из загородки не выбилась: – Вот и вся работа.

– Хорошее дело... Чего лучше, как загон?

Опять помолчали.

– Там, на деревне, – начал солдат несколько иным тоном, – сказывали, будто тебе человек для дров требуется?

– Надо.

– Что бы ты меня взял? Колоть и пилить я ведь мастер. Хитрого тут нет ничего.

– Пожалуй, возьму. Немного дров-то... колоть, а пилить наши будут.

– Все одно! Сколько наберется. Я бы теперича тебе духом откатал...

– Что ж, оставайся!

Уговорились в цене, написали записку на выдачу куля муки, отдали за яйца и за курицу. Записку солдат отдал мальчику и сказал, чтобы он шел домой, запряг лошадь, съездил за мукой и привез ее домой. Сам же солдат остался и присел на крыльцо отдохнуть.

Мальчик один поплелся с пустой кошелкой по лесу, через топи и болота, через знаменитое *днище*...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.